

УДК 9(С183аб) + 293

Забайкальское старообрядчество начала XX в. в контексте имперского регионализма

А. В. Костров

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

В статье рассматривается влияние имперской политики на формирование особенностей старообрядческих сообществ Забайкалья и анализируется процесс реализации реформы 1905–1906 гг. в регионе.

Ключевые слова: имперская политика, забайкальские старообрядцы, конфессиональная культура, Русская православная церковь, чиновничество, вероисповедная реформа.

Забайкальское старообрядчество имеет свою выраженную специфику. К ее разным аспектам обращались такие авторы, как Ф. Ф. Болонев [1], С. В. Бураева [2], С. В. Васильева [3], Т. Б. Юмсунова [13] и многие другие. Отличия от старообрядческих сообществ иных регионов заключались в хозяйстве, быту, одежде, языке, получивших распространение согласиях, характере внутренних и внешних связей [10]. Многие из этих отличий сложились под прямым или косвенным влиянием имперской политики.

Начнем с того, что появление старообрядчества во многом было обусловлено реакцией традиционалистски настроенной части общества на процесс централизации государства [12, с. 245–326] и становления имперской культуры управления [7, с. 136–139]. Гонения на «ревнителю древнего благочестия» своей основной причиной имели их неподчинение усиливающейся власти. Подобная оппозиционность позволила государству использовать старообрядцев как источник бесплатной рабочей силы и на «стройках века» петровской эпохи и для штрафной колонизации восточных окраин в более позднее время. Именно репрессивная политика имперской администрации оказала определяющее влияние на процесс формирования сибирского старообрядчества. И если в основу старообрядческих общин Западной Сибири в основном лег беглый элемент (свободно бежавшие в Сибирь радикально настроенные старообрядцы), то в основу общин Алтая и Забайкалья легли старообрядцы, насильственно сосланные в эти местности большими группами (до несколько тысяч человек).

Став инструментом имперской политики по аграрному освоению Забайкалья, семейские (как стали называть в регионе старообрядцев, которых, в отличие от других ссыльных, этапировали семьями) создали своеобразный старообрядческий анклав. Своеобразие его заключалось не только в отличии народной культуры (продиктованной историей формирования группы, усло-

виями существования и культурным окружением), но и отличиями в сфере культуры конфессиональной. Так, если в беглом старообрядчестве Западной Сибири большую представленность имели беспоповцы (например, последователи часовенного согласия), то в среде семейских наибольшее распространение получило менее радикальное беспоповское направление староверия (ветковское согласие). На втором месте по количеству последователей было беспоповство (федосеевцы, самокрещенцы и др.). Также в крае было очень немного известных своей лояльностью поповцев (белокриницкого согласия) [11, с. 174–186]. Последнее имело место в казачьих местностях (ст. Доно) или местных экономических центрах (г. Верхнеудинск, села Тарбагатай и Куйтун), кроме того, в начале XX в. оно стало получать развитие под влиянием переселенческой политики (г. Чита).

Ссылное положение и стремление местной администрации к установлению жесткого контроля над семейскими привело к тому, что, в отличие от старообрядческих общин других регионов, они не имели скитов. Скитская традиция играла большую роль в развитии старообрядчества. В других регионах скиты выполняли функции духовных, образовательных, координационных, экономических и даже управленческих центров. Забайкальские же старообрядцы не могли позволить себе организовать подобные поселения. Вместе с тем, несмотря на усилия администрации, местные старообрядческие общины делали все, чтобы не допустить роста ее влияния на свою внутреннюю жизнь. Например, они систематически отказывались представлять сведения о количестве своих последователей. В итоге, местные власти не знали, сколько староверов проживает на подконтрольной территории. Также семейские отказывались от введения должностей десятских и сотских, так как те, кроме прочего, должны были выполнять полицейские функции [9, с. 111–115].

Имело свою специфику и местное чиновничество. Сосланные староверы часто рассматривались ими как источник коррупционного дохода. Поэтому нередко изыскивались причины или поводы для обложения старообрядческих общин всяческими поборами. При условии подобного откупа, чиновники не вмешивались во внутренние дела старообрядцев. При этом у представителей разных имперских ведомств были свои особенности во взаимоотношениях со старообрядческим населением. Миссионерская деятельность служителей Русской Православной церкви давала очень скромные результаты [6], поэтому они чаще всего ограничивались приписками. Например, согласно официальным отчетам благочинных Забайкальской епархии за 1913 г. на территории Забайкальской области проживало всего 8 972 старообрядца [4, л. 1–18]. Это притом, что, согласно данным чиновников МВД, количество старообрядцев на территории Забайкальской области в 1911 г. было 63 559 чел. [5, л. 21]. Цифры светских чиновников тоже имели большую погрешность. Однако, она в силу их меньшей заинтересованности, она была на порядок меньше, чем у церковных чиновников.

Реформы 1905–1906 гг. были призваны даровать старообрядцам общегражданские права и относительно мягко вписать их в официальное общество. В разных регионах Российской империи эта реформа реализовывалась по-

разному и имела разные следствия. Своеобразно проходил этот процесс и в таком специфичном регионе, как Забайкалье.

Официальные представители Русской Православной церкви и после реформ 1905–1906 гг. продолжали рассматривать старообрядчество как одного из основных конкурентов. И если у церковных чиновников подобное отношение было обусловлено ситуацией жесткой конфессиональной полемики со староверами, то у представителей светской бюрократии мотивы были несколько иными. Во-первых, не последнюю роль играло отношение официальной церкви, последователями которой чаще всего были светские чиновники. Во-вторых, представитель местной власти был заинтересован в сохранении старого положения дел. Он был заинтересован в сохранении «раскольника» без прав и возможностей, который или из боязни государства (его законов и особенно представителей) или для решения своих проблем (и проблем общины) вынужден был откупаться от «его величества чиновника». Эта финансовая заинтересованность в существовании бесправного «раскольника» вела к осознанному и неосознанному противодействию появлению старообрядца с гражданскими правами и спокойным отношением к государству. Поэтому разрешительная реформа была местным чиновничеством понята по-старому. Например, разрешение регистрировать общины и вести метрические книги, было воспринято как обязанность староверов. Поэтому их стали под угрозой наказаний заставлять регистрироваться и заводить метрику. Подобную ситуацию можно назвать инерцией традиционной имперской политики по отношению к старообрядчеству региона. Такое положение вещей привело к росту социальной напряженности и волнениям в среде местных старообрядцев [8, с. 60].

Своеобразно выход разрешительного законодательства был воспринят и семейскими. Шаги правительства в сторону расширения прав старообрядцев в рамках политики «укрепления начал веротерпимости», стали восприниматься не только как «дарование свободы совести», но и как возможность отказаться от тех отношений с государством, которые стесняли староверов и вступали в противоречие с их учением. Декларации правительства и новости от старообрядцев центральных регионов страны (где реформа действительно позволила развернуть активную деятельность), а также чаяния самих староверов региона иногда приводили к тому, что желаемое начинало восприниматься за действительное. Сжатые пружины стесненного ссыльного положения староверов под влиянием реформ стали стихийно разжиматься. Это вело к обратным результатам. Реформа не только не решила многие из существующих проблем, но и создала серьезное напряжение между властью и старообрядцами Забайкалья.

Процесс реализации вероисповедной реформы показал общее негативное отношение (за редким исключением) старообрядцев региона к налаживанию официальных связей с государством. И если полученную возможность храмоздательства они использовали достаточно активно, то развивать официальные контакты с государством не спешили. Единственная зарегистрированная община семейских беглопоповцев в Забайкалье (с. Тарбагатай) отка-

залась регистрировать своего настоятеля и вести метрику. Более того, на территории региона было зарегистрировано всего два духовных лица. При этом зарегистрировавшимся белокрыницким священнику (с. Куйтун) и настоятелю (с. Надеино) семейские прихожане не дали регистрировать общины и вести метрику. Все это говорит о том, что старообрядчеством региона многие положения реформы начала XX в. были мало востребованными.

Забайкальские старoverы в большинстве своем и в начале XX в. оставались более ортодоксальными, чем старообрядцы экономически развитых центров страны. Поэтому семейские по-своему понимали проводимые реформы и ждали от них результатов, приближающих общество к идеалам своей доктрины. Однако политика, проводимая центральной властью и усугубляемая специфичной реализацией на местах, конечно же, не могла в полной мере соответствовать идеалам и чаяниям старообрядцев края. В итоге, большие ожидания от реформы с одной стороны и ее жесткая реализация с другой, приводили к неизбежным конфликтам. В них же, в свою очередь, ярко проявлялся весь комплекс достижений и противоречий развития отношений имперской администрации и старообрядцев региона в дореволюционный период.

1. *Болонев Ф. Ф.* Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. / Ф. Ф. Болонев. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – 340 с.
2. *Бураева С. В.* Рукописное наследие Забайкальских старообрядцев / С. В. Бураева. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – 238 с.
3. *Васильева С. В.* Государственная конфессиональная политика по отношению к старообрядчеству в Байкальском регионе в XVII–XXI вв.: Историография и источники / С. В. Васильева. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. – 204 с.
4. Государственный архив забайкальского края (ГАЗК). Ф. 8. Оп. 1. Д. 910. ЛЛ. 1–7; Д. 1079. ЛЛ. 1–18
5. ГАЗК. Ф. 1 об. Оп. 1. Д. 5042. Л. 21.
6. *Гусейнова Т. Н.* Миссионерская деятельность Русской православной церкви среди старообрядцев в Забайкалье (XVIII – начало XX вв.) / Т. Н. Гусейнова. – Улан-Удэ : Изд-во ВСГАКИ, 2006. – 242 с.
7. *Костров А. В.* Раскол церкви и общества как следствие переходного периода становления империи // Материалы IV международной конференции «Россия в мировом сообществе цивилизаций: история и современность». – Пенза, 2008. – С. 136–139.
8. *Костров А. В.* Старообрядцы Байкальской Сибири в начале XX в. / А. В. Костров. – Иркутск : Отгиск, 2009. – С. 60.
9. *Костров А. В.* Полемика о выборных должностях у старообрядцев Забайкалья в начале XX в. // Вестн. ДВО РАН. – Владивосток, 2009. – № 5. – С. 111–115.
10. *Костров А. В.* Старообрядчество Байкальской Сибири в «переходный» период отечественной истории (1905–1930-е гг.) / А. В. Костров. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2010. – 444 с.
11. *Костров А. В.* Статистика старообрядческих согласий Забайкалья в начале XX в. // Материалы X международной конференции «Старообрядчество: история, культура, современность». – М., 2011. – Т. 1. – С. 174–186.
12. *Щапов А. П.* Земство и раскол // Избранное / А. П. Щапов ; под ред. А. С. Маджарова. – Иркутск : Отгиск, 2001. – С. 245–326.
13. *Юмсунова Т. Б.* Язык семейских – старообрядцев Забайкалья / Т. Б. Юмсунова. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 288 с.

The Old Belief of Transbaikalia in the Early XXth C. within the Context of Imperial Regionalism

Kostrov A. V.

Irkutsk State University, Irkutsk

The article concerns the influence of the imperial policy on the formation of the Old belief communities in Transbaikalia. Besides it examines implementation of the reform of 1905–1906 in the region.

Key words: imperial policy, Old Believers of Transbaikalia, confessional culture, the Russian Orthodox Church, the officials, confessional form.

Костров Александр Валерьевич – доктор исторических наук, доцент кафедры современной отечественной истории Иркутского государственного университета, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, тел. 8(3952)240522, e-mail: a-kostrov@mail.ru

Kostrov Aleksandr Valeryevich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Contemporary Russian History. the Irkutsk State University, 664003, Irkutsk, Karl Marx St., 1, phone 8(3952)240522, e-mail: a-kostrov@mail.ru